

ТЕМА НЕДЕЛИ:

Россия и мировой кризис государств

24 марта 2011

СУТЬ ДЕЛА

- Джон Данн с.2-3
- Гордон Чан с.3

ВОЗМОЖЕН ЛИ КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

- Глеб Павловский с.4-6
- Александр Морозов с.6-7
- Александр Филиппов . . . с.8-9
- Валерий Фадеев с.10

СПОР О ЛОЯЛЬНОСТИ

- Сергей Шмидт с.11-12
- Александр Шмелев с.12
- Герхард Манготт с.13
- Леонид Радзиховский . . . с.14
- Эндрю Качинс с.14
- Тимур Алиев с.15

МИРОВОЙ ТРЕНД

- Питер Шульце с.16-17
- Владимир Плигин с.18
- Йоран Терборн с.19

ПОЗИЦИЯ

- Крис Хеджес с.20-21
- Сангит Варгесе с.21

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- Алексей Пушкин с.22-23

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ

- Мануэль Кастельс с.24

Главный редактор
Глеб Павловский

Шеф-редактор
Александр Павлов

Адрес редакции
125009 Москва
М. Гнезниковский пер., д. 9/8 стр. 3
Тел.: (495)629-8993
Факс: (495)629-52-97
e-mail: info@russ.ru

Александр Филиппов: РОССИЯ: НЕ ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО, А ЗНАТЬ И НАРОД

С одной стороны, у нас приходит в упадок наследие прошлой жизни, то есть социально-полициейское государство. С другой стороны, на передний план выходит изначальное, простое социальное отношение народа и знати.

Джон Данн: ВРЕМЯ РАСКОЛОТЫХ ОБЩЕСТВ

Постепенно преданность государству как одно из гражданских чувств слабеет. Бессмысленно требовать преданности государству от населения, большая часть которого не извлекает совершенно никаких выгод от существующей политики распределения общественных благ.

Владимир Плигин: В ПОИСКАХ НОВОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ

Чтобы добиться новой легитимности, сохранив при этом имеющуюся, нужны классические формулы, формулы, которые работают и которые наиболее адекватны настоящему моменту. Это формулы демократических, свободных обществ.

Мануэль Кастельс: ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ИНТЕРНЕТА

Интернет может стать фундаментальным инструментом для партиципаторной демократии, если правительства решатся его использовать. Однако чаще они используют Интернет как одностороннюю информационную систему.

ВРЕМЯ РАСКОЛОТЫХ ОБЩЕСТВ

Джон Данн

СУТЬ ДЕЛА

Джон Данн – британский политический философ, историк политической мысли; представитель Кембриджской школы политической мысли. Профессор Кембриджского университета, автор книг: «Политическая мысль Джона Локка» (1969), «Современные революции: введение в анализ политического феномена» (1989), «Хитрость неразумия: пытаюсь извлечь смысл из политики» (2000), «Освобождение народа: история демократии» (2005)

Вопрос о преданности граждан своему государству рано или поздно встает во всех странах мира. Некоторым государствам удается сохранить баланс сил и стабильность в обществе, другим нет. И вопрос уровня благосостояния не является в этом вопросе главным, он вовсе не способствует укреплению преданности граждан своему государству. Скорее, верно обратное. Благосостояние зачастую способствует подрыву преданности. У процветающего и ведущего активную жизнь населения такое требование к гражданину страны, как преданность госу-

дарству, теряет свою силу, поскольку им уже не требуется постоянно демонстрировать ее для достижения своих практических целей.

Постепенно преданность государству как одно из гражданских чувств слабеет, в условиях экономического или политического кризиса это может выйти обществу боком. Именно это и происходит сегодня в западных обществах. Экономический кризис стал для них своеобразным испытанием лояльности граждан процветающих стран собственному государству. К сожалению, данное испытание они не прошли. Граждане, столкнувшись с экономическим кризисом, сразу же начали демонстрировать отсутствие лояльности к собственным государствам, причем **демонстрация эта была осуществлена как раз в тот момент, когда государства испытывали крайнюю необходимость в этой лояльности.** Необходимо отметить, что в подобной ситуации находятся сегодня почти все западные страны. Конкретная же ситуация в каждой стране зависит от ее истории, от ее экономического, политического и идеологического наследия.

В наихудшей ситуации из стран Европейского союза оказалась Греция. Ее правительство попало под мощный удар финансового кризиса, который наложился на

где основной удар приняли на себя Тунис и Египет. Конечно же, экономическая ситуация в Греции гораздо лучше, нежели ситуация в Египте или в Тунисе, но суть происходящего и накал напряжения схожи.

Причину обнаружения схожих черт в обществах арабского Востока и Европейского союза следует усматривать во влиянии на последние неolibеральной идеологии, которая разрушила существовавшую в этих странах устойчивую политическую систему. И теперь большинство граждан европейских стран не поддерживают государственную власть, не защищающую их интересы. Как следствие, они отказываются защищать и те системы распределения общественного богатства, которые, казалось бы, действуют в их интересах.

Для стабилизации ситуации, в которой оказались европейские общества, существует два различных подхода. **Один** – исключительно экономический. Его адепты считают, что если эффективно организовать экономику, то она обеспечит благами достаточное количество граждан, а они в свою очередь выступят в защиту системы от малочисленных групп, интересы которых данная экономика не учитывает. **Второй** – политический. Его адепты рассматривают экономику как источник благ для всего

Бессмысленно требовать преданности от населения, большая часть которого не извлекает совершенно никаких выгод от существующей политики распределения общественных благ

традиционное для Греции острое недоверие к власти со стороны большинства граждан страны. По своей сути конфронтация граждан этой страны с властями очень схожа с конфликтом, произошедшим в арабских странах,

общества. Как следствие, каждый член общества должен пользоваться теми благами, которые это общество производит. С экономической точки зрения попытки реализации политического проекта претерпели неудачу,

однако с политической точки зрения он всегда охотно принимался населением и в этом смысле еще не изжил себя.

Какой бы проект ни был выбран нынешними властями, от них потребуется быть гораздо более осторожными, чем раньше, при перераспределении благ, прав и обязанностей среди граждан. **Ведь бессмысленно требовать преданности от населения, большая часть которого не извлекает совершенно никаких выгод от существующей политики распределения общественных благ,** особенно когда такой подход практикуется десятилетиями. Власти должны ясно отдавать себе отчет в том, что в такой политике распределения явно надо что-то менять.

Тем не менее традиционные принципы воспитания в гражданах лояльности к государству не претерпевали изменений уже многие десятилетия. Они основаны на взаимных интересах, на привычках, на вере в государственность, которая прививается гражданам с разной степенью успеха в семье, в школах, в армии. Все это — составляющие одного целого, но они не образуют крепкую и стабильную структуру, которая способна навсегда обеспечить преданность граждан существующему режиму. Сегодня многие вопросы сосредоточены в образовательном секторе. Государство должно каким-то образом осуществлять контроль над тем, что подрастающее поколение изучает в системе среднего и высшего образования. Важно и то, каковы перспективы выпускников. Кажется, что в большинстве стран престижная работа достается только выпускникам университетов, а в университеты попадают только родившиеся в очень обеспеченных семьях. Если это действительно так, то это означает, что властям вряд ли приходится надеяться на поддержку населения в сохранении системы, основанной на несправедливом распределении благ.

Также опасно, если элита общества отделяется от основной массы граждан. Важным является не то, что те или иные граждане получают престижную работу, обучаются в известных университетах, лечатся в уважаемых больницах, а то, что элита, которая может пользоваться этими благами, признается как часть общества, обладающая очень важными для этого общества навыками, которые чрезвычайно повышают как экономический, так и социальный престиж ее представителей. В западном обществе ценятся доктора, а политики, наоборот, практически лишены гражданского одобрения. Кроме того, престижем пользуются ученые, юристы, судьи высших инстанций. Таки престижных групп достаточно много. Однако двадцать лет назад люди гораздо больше верили в то, что совместные усилия престижных и непрестижных социальных групп способны изменить к лучшему жизнь всего общества. Сегодня степень этой веры намного ниже. Но именно сегодня современное общество сталкивается с новыми угрозами, которые может решить именно единое, а не расколотое общество. ■

Специально для Ярославского Форума

СГОВОР КОММУНИСТОВ С КОРРУПЦИОНЕРАМИ

ГОРДОН ЧАН — член попечительского совета Корнельского университета, автор книги «Грядущий коллапс Китая» (2001)

Специально для Ярославского Форума

Сплоченность китайского общества поддерживается за счет принуждения. Коммунистическая партия успешно выполнила план по обеспечению быстрого роста, но резкое увеличение числа общественных протестов — около 230 тысяч в 2009 году — свидетельствует о том, что общество в основе своей нестабильно. Аналитики утверждают, что китайцы боятся хаоса и благодаря этому страху компартия останется у власти. Однако если это действительно так, то почему тогда в Китае сегодня так много волнений? Чрезмерная реакция Пекина на призывы к «жасминовой революции» показывает, что верховящие лица чувствуют неустойчивость своего режима. Уверенные в себе лидеры не стали бы спускать собак, избивать репортеров или блокировать Интернет.

Для Пекина урок ближневосточных революций очевиден. **Партия не может и далее относиться к народу как к детям, которые не способны собой управлять.**

Компартия уже почти исчерпала резерв потенциальных партнеров в обществе. Она сейчас опирается на коалицию коррумпированных кадров и сверхбогатых людей. Из этого партнерства исключены другие элементы общества, в особенности крестьяне, рабочие и большая часть среднего класса.

Как и в любом другом современном обществе,

китайский средний класс становится все более осознанным в политическом смысле. Компартия постоянно всячески вторгается в процесс становления среднего класса. На примере Южной Кореи (1980-е годы) и Тайваня (1990-е) мы видим, что случается, когда средний класс становится политически активен. А что это означает? Правительствам приходится меняться, чтобы соответствовать их требованиям осмысленного политического участия. Едва ли компартия на этой пойдет.

У компартии осталась только одна запасная позиция — национализм. Это таит особую опасность для соседей Китая, так как у Пекина имеются территориальные претензии к другим странам, а также виды на международные воды. Национализм — единственный способ заручиться поддержкой протестных элементов общества.

Своим сговором с коррупционерами и богачами компартия лишила себя базы поддержки в обществе. Главным лицам в Пекине не представляется возможным утвердить новый консенсус в обществе кроме как через обращение к демону национализма.

Компартии необходимо поскорее создать для себя базу поддержки, но помимо пустой риторики и незначительных жестов она пока ничего в этом направлении не сделала. ■

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ И НОВАЯ REALPOLITIK-2012

Глеб Павловский

Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала». Сомодератор секции «Стандарты демократии и многообразие демократического опыта» Мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» в Ярославле (10—11 сентября 2010 года).

В мире разворачивается новое восстание масс. Одновременно с этим зима революций Магриба незаметно перешла в весну ближневосточных интервенций. Формат глобализации быстро и непредсказуемо меняется. Реален ли кризис государственной системы России в новом мировом контексте?

* * *

Почти десять лет с начала президентства Владимира Путина рефреном обвинений — фундаментальных, серьезных, философских — в адрес политики Россия было то, что она одержима духом Realpolitik — духом политики интересов, чуждой ценностям. За это Россию неизменно критиковали на Западе, а в Европе особенно Германия.

Но в недавней «Sueddeutsche Zeitung» в статье известной

журналистки Сони Цекри, жесткого критика российской политики, Дмитрия Медведева приветствуют: наконец-то **Россия двинулась в реальную политику!** Это названо «проектом благоразумия», а Россию одобряют именно за Realpolitik. Наконец-то русские, отбросив сомнения и гамлетовские колебания, присоединилась к Западу в ливийском вопросе. Реальным политиком здесь неожиданно выступает Медведев, а Путин — кем-то, вроде «чеховского человека» в очках.

Что-то существенное меняется в мире. В тени перемен почти не обратили внимания на саудовские войска, вошедшие в Бахрейн. Саудам пора было раздавить шиитов в Бахрейне, а тут такой удобный момент. Международное общественное мнение не способно одновременно следить за двумя важными процессами сразу. Оно сосредотачивается на какой-то одной сцене, отвлекаясь от остального. И те, кто пытался понравиться своим «европеизмом», вдруг оказываются в дураках. Начав переходить к политике ценностей и гуманизма, обнаруживают, что та уже не нужна и ее не замечают. Нас критикуют теперь за нехватку реализма. Высказывания Путина, которое в России многим показались неполиткорректными, на Западе кажутся неуместно идеалистичными. С ним почти не спорят, как не спорят с гуманитарием, комментирующим большие военные маневры. Это заставляет спросить, **что же на самом деле является реальной политикой сегодня?**

* * *

Обратившись внутри России к тем, кто недавно любил выдвигать живописные геополитические тезисы, мы и тут обнаружим в них идеалистов, с ностальгией провожающих уходящий мир старой геополитики.

В этом мире политика наций была пронизана далеко идущими целями, в нем разоблачались замыслы великих гроссмейстеров, а континенты готовились к атакам и контратакам, — мир геополитического Виктора Гюго романтичен, но архаичен. Реалистически говоря, **мы присутствуем при конце геополитики** даже в самом прагматичном смысле слова. Против чего восстали народы Ближнего Востока? Они восстали против **весьма разумных и геополитически функциональных антиисламистских режимов.** Режимов, которые долго и высокой ценой выстраивались их политиками при поддержке Запада, а в прошлом и СССР.

Назначение всех тираний, от Туниса до Бахрейна и Йемена, было одно: служить бастионом против исламизма. Так же, как назначение стран Варшавского договора тоже было одно: служить бастионом против Запада и возрождения единой Германии в Центральной Европе. В 1989 году советский геополитический бастион рухнул. В 2011 рушится другой — ближневосточный. Хотя он действительно остановил исламизм, он больше не нужен.

Дорогостоящие и мощные геополитические танки: Египет Мубарака, Ливия Каддафи, Тунис и Бахрейн, а вскоре и следующие за ними, — перестают существовать. **Народы не хотят далее обслуживать свои геополитические функции.**

Зато намечается новая Realpolitik, пока что в абсурдном и бессистемном виде. Николя Саркози понятия не имеет, что именно надо выстроить в Ливии, как и Брежнев не очень за-

думывался о том, что станет с Чехословакией, куда в 1968 он вводил войска. Саркози вообще не интересуют дальние геополитические горизонты. Он решает краткосрочные задачи укрепления внутри Франции и в Европе, а Каддафи ему просто удобно подвернулся. Но решает ли и Россия свои задачи?

* * *

Что является реалистичным внутри российской политики? Конечно же, президентские выборы. Но что считать *Realpolitik* накануне 2012 года? Многие думают, что волю Путина или волю Медведева. Их маневры, возможное укрепление, уход или приход другого. Это не так. Точней, все это важно, но не это повестка для *Realpolitik-2012*. Темой выборов 2012 года неизбежно станет характер и обеспеченность **массовых интересов**, которые Путин (вольно или невольно) сделал основой государственной политики.

Не находя на нашей сцене очерченных политических сил с ясным представительством, аналитики привыкают игнорировать фактор общественных интересов в политике. И увлеченно обсуждают элитные схемы и интриги. Тем более, что российская журналистика, ставшая внутренней перепиской элитных групп, охотно рассуждает о народном протесте и вечно ждет «новую революцию». Действительно, массовые коалиции граждан не представлены в политике и попросту не существуют. Но их интересы представлены.

Владимир Путин, а за ним, обеспечивая преемственность, Дмитрий Медведев выстраивали легитимность власти на определенной политической концепции. Это философия признания и опережающего «справедливого» удовлетворения массовых интересов. Такая концепция получила имя политики стабильности, а результатом ее явилось «путинское большинство» — отчасти политический тезис и административно-учетная кате-

гория. В силу этого, а не в силу их политического давления, массы и их интересы стали значимой основой программирования исполнительной власти.

* * *

Фундаментом этого программирования является не Основной закон, а государственный бюджет. Последний и становится истинной действующей конституцией масс. Рассмотрев государственный бюджет, мы всегда найдем в нем склейку трех элементов. Первый — это обеспечение интересов вполне конкретных социально-демографических групп (какими их представляет правящий класс). Второй — то, что правящий класс наметил украсть, отложив в удобных для этого позициях. Наконец, в-третьих, нечто на развитие регионов, экономической инфраструктуры и представительские расходы, что обязательно для суверенной страны — члена ООН. Поэтому наш **бюджет отражает реальную концепцию, но это не концепция развития страны. Это концепция обеспечения социальных интересов массовых групп.** И это предельный на сегодня вид реализма.

Алексей Кудрин, которого считают борцом с «социальным расточительством», никогда не противостоял этой философии радикально. Он корректировал ее издержки, сталкиваясь лбами группы бюджетополучателей. Так же, как Путин, пугая правящих — массами, а массы — неистовым корыстолюбием и жестокостью их элит, уравнивал те и другие собственной властью. Но сегодня, в ситуации заявленного конца старой системы, как отсталой, архаичной и подлежащей модернизации, снова встает вопрос об обеспечении массовых интересов.

Вчера они **обеспечивались Путиным, затем тандемом Медведев-Путин, бюджетом под цензурой Кудрина и — всей реальной конструкцией государства.**

* * *

Это несколько похоже на **предкризисную модель американской экономики, с ее расширяющимся «ипотечным большинством» — миллионами держателей ипотек, и ценных бумаг, и деривативов, связанных с ипотечным рынком.** По времени эта эпоха совпала с годами расцвета «путинского большинства» в России. Уже тогда, задолго до кризиса, эти бумаги рассматривались как плохие, неполноценные кредитные обязательства. У домохозяев не было шансов за них расплатиться, однако экономика нуждалась во все большем количестве таких дешевых кредитов, и пузырь стремительно расширялся, пока не лопнул.

Одновременно расширялся и социальный пузырь «путинского большинства» в России. Политика удовлетворения массовых интересов разжигала аппетиты и также не могла остановиться. В экспансию входили не только выплаты по социальным обязательствам и индексации пенсий, сюда входила и Мюнхенская речь, и потребительские кредиты городских слоев, и футбольно-спортивный патриотизм с нестойкой символикой и мифологией. Все это вместе создавало ощущение роста и силы, как в Америке Буша-младшего.

Дома американских домохозяев хорошо построены и прочны — но связанные с ними ценные бумаги считались «низкокачественными» еще задолго до краха 2007—8 годов. Российское общество также прочно выстроенная, эшелонированная инфраструктура — но она высокорискова. Препятствием политический и экономический режим, режим стабильности и путинского большинства становится бюджетно-«низкокачественным».

Кризис таких систем не в том, что все одновременно перестают платить ипотеку или выходят «к Кремлю», как мечтают радикалы несистемной оппозиции. Крахом является одно только *замедление темпов экспансии*. Едва кончается триумфальный рост этой массы — начинается кри-

зис. Он произошел в Америке, и он угрожает России, хотя совсем по-другому. К счастью для нас, у нас не было массовых ипотек. Русский пузырь надут бюджетными выплатами и их политическими «деривативами». Но внутри пузыря десятки миллионов бюджетно-зависимых граждан, их собственность и безопасность, их интересы.

* * *

И сегодня основной вопрос Realpolitik внутри России — **кто политически обеспечит и полити-**

чески «перестрахует» реальные инвестиции миллионов ее граждан в ее государственную систему? Это не вопрос политического будущего лично Медведева и лично Путина. Это вопрос государственного будущего их избирателей, вовсе не теоретический интерес. Сумеет новый курс Медведева обеспечить их интересы?

Путин тесно связан с существующим режимом. Путин — нечто вроде всероссийского государственного Fannie Mae. Находящийся сам внутри ставшего ненадежным большинства, он не

может далее защищать его, даже всеми средствами финансовой инфраструктуры. Его, как и последнего гражданина России, необходимо убедить в прочности новой системы.

Это вопрос к Медведеву, а не Путину. Предоставит президент концепцию обеспечения массовых интересов (включая интересы самого Путина — гражданина России) или нет? Здесь ось повестки будущих выборов и их основная интрига. ■

*Специально для Ярославского
Форума*

КАПКАН ХАБЕРМАСА

Александр Морозов

Александр Морозов — журналист, публицист, политолог; директор Центра медиаисследований Института истории культур (УНИК)

«Если мы будем говорить правду, нам будут верить все меньше и меньше» — таков парадокс, с которым сталкивается правящая верхушка в авторитарных режимах, пытающихся провести реформы. Структу-

ра этого парадокса, видимо, такова: медленно «закручивая гайки», режим теряет доверие; затем, когда он начинает их откручивать, то есть решается пойти на публикацию материалов о злоупотреблениях и преступлениях внутри системы (в надежде на то, что это будет воспринято обществом как шаг власти ему навстречу), ожидания правящей бюрократии, как правило, бывают обмануты. Массовый читатель, видя разрешенные этой же властью «очистительные» публикации о коррупции в собственных рядах, совершенно забывает, что еще вчера такие публикации были запрещены. **В ответ на попытки бюрократии стать «бюрократией с человеческим лицом» она получает со стороны общества смачный плевок в это самое лицо.**

Собственно, это мы и наблюдаем во всей красе сегодня, созерцая провал путинского мегапроекта под названием «Плавно уйти за спину Медведева». Возможно, Владимир Путин сам себе думает: «Я же ушел! Я же со-

гласился на смену стиля, я не против новых свобод. Это я — сам!». Но в ответ ему летят фотографии «дворца Путина», счета Gunvor, списки «невъездных» в еврозону, где он — *number one*, потоки публикаций, из которых ясно, что все его «друзья» — воры и погрязшие в пороках нувориши. Особенно хороша история с Ушаковым — только что снятым с поста заместителем директора ФСБ. Понятно, что, не будь «монаршей воли» к свободе СМИ, рассказ о шестидесятилетии, которое генерал отметил с размахом на миллион долларов в ресторане на Рублевке, мы не читали бы об этом в *LifeNews* в каждой электричке, а лишь в специальных сочинениях Владимира Прибыловского, публикуемых в Лондоне. Но читатель в массе своей, даже если и понимает про «аппаратную» борьбу наверху, ни секунды не верит, что это «хорошие аппаратчики» наказали «плохого, аморального аппаратчика». Читатель восклицает: «Все вы одним миром мазаны! Вон как ваши генералы жируют». И в

общем, как показала история, «хорошим аппаратчиком», как правило, не удастся удержать ситуацию под контролем. Утрата доверия ударяет и по ним сокрушительным массовым протестом.

В чем ошибка «хороших аппаратчиков» в этой ситуации? Этим роковым ошибок три. Первая: начиная игру «в расширение публичного пространства», они сами хотят оставаться вне зоны публичности. Эта ошибка

ствует в общественных настроениях. Таким образом, **в ходе «либерализации» сама верхушка формирует «второй язык лжи».**

Все эти ошибки объединяет общий результат: любые «либерализующие» действия правящей верхушки летят обратно ей в лицо, не укрепляя доверия к ней. Да, публичное пространство формируется, но в нем заранее закладываются конструктивные дефекты, которые водят общество по замкнутому кругу,

личного пространства», сидя в отдельном чулане.

Из этого же чулана мы будем «поэтапно» откручивать гайки (ссылаясь на концепцию «длительных культурных изменений» имени Рональда Инглхарта). То есть мы будем составлять списки с грифом «Уже можно!». Вот Немцова «уже можно», а Удальцова — «пока нельзя», «партия жуликов и воров» про Единую Россию — уже можно, а вот Кудрину высказывать суждения о честности выборов — никак нельзя. И так далее. Эта иллюзия **рациональной «либерализации по частям» создает непрерывное параноидальное раздвоение в общественном сознании относительно реальных намерений правящей группы.**

В конечном счете модернизационная группировка жертвует обществом. Ей приходится со скорбью и цинизмом констатировать: «общество не готово», «народ — сырой», «общественные дебаты — это одна говорильня». **Сделав три ошибки в гамбите, правящая верхушка к середине партии начинает обнаруживать, что дело идет к мату.** Возвышенная цель перейти к модели «североевропейской демократии» опять не удалась! Ну никак не получается «публичное пространство» с самостоятельными системными субъектами! А ведь все это потому, что верхушке не приходит в голову, что, пытаясь перейти в пространство другой геометрии, она сама должна себя мыслить как часть этого же публичного пространства, она должна отчетливо обозначать свою собственную субъектность, по отношению к которой мы все сможем самоопределиваться.

Ведь наше общее упование заключено не в том, чтобы верховная власть переходила у нас от «Садата к Мубараку» без убийства, а в том, чтобы это общество было открытым, комфортным и воспроизводило свой гражданский и творческий потенциал. ■

*Специально для Ярославского
Форума*

Любые «либерализующие» действия правящей верхушки летят обратно, не укрепляя доверия к ней. Сделав три ошибки в гамбите, правящая верхушка к середине партии начинает обнаруживать, что дело идет к мату

в китайских военных стратегиях имеет название «капкан Хабермаса». В стратегемах сказано: **невозможно участвовать в создании «открытого пространства», находясь в теневой зоне.** Модератор должен либо переместиться в зону публичной политики на равных с остальными участниками, либо его в конце концов обнаруживают в соседнем чулане и вытаскивают на свет Божий вместе со всеми его «стратегическими планами»...

Вторая ошибка — «ампутация хвоста поэтапно». Правящая верхушка, сама оставаясь в тени, начинает «патерналистскую» процедуру «откручивания клапана» поэтапно (то есть «Войновича уже можно, а Солженицына еще нельзя» или «сегодня уже можно говорить, что воруют много, но признавать, что выборы фальсифицированы, еще нельзя, к этому мы перейдем завтра»). Эта «поэтапность» ни к чему не приводит, кроме как к дальнейшей потере доверия.

Третья ошибка — «опора на пустоту». Пытаясь удерживать «общественный процесс» в каких-то приемлемых для себя рамках, бюрократия в своей риторике начинает опираться на словарь, которому ничего уже не соответ-

ствует в общественных настроениях. Общественный дискурс оказывается изначально деформированным необходимостью постоянно реагировать на «отрезание хвоста поэтапно», на «поиски модератора в чулане» и на «двоемыслие».

Что же мы сейчас видим? Медведевская модернизационная группировка рассеяна, ее «головки» торчат там-сям, как грибы под осенней листвой. Не всегда можно опознать, гриб ли торчит, или это кучка мусора. **Кто ее возглавляет? Кто в нее входит? Об этом нельзя говорить прямо. Почему? А потому, что это нанесет им непоправимый «аппаратный ущерб».** Надо обратить внимание на то, как опытные политналитики аккуратно комментируют эту ризому. Кто там во главе? Тимакова или Волошин? А Сурков уже перешел в эту группировку? А правда, что за всем стоит Будберг? Или Юмашев? И так далее и тому подобное...

Первая, вторая и третья «ноги» Кремля застряли в «капкане имени Юргена Хабермаса»: давайте мы не будем прямо говорить, кто мы, кого мы поддерживаем, не будем сами участвовать в общественных дебатах, а будем пытаться создавать «реально работающую модель пуб-

Россия: не власть и общество, а знать и народ

Александр Филиппов

Александр Филиппов — социолог, философ, главный редактор журнала «Социологическое обозрение». Профессор ГУ — Высшей школы экономики и Московской высшей школы социальных и экономических наук. Возглавляет также Центр фундаментальной социологии при ИГИТИ ГУ-ВШЭ

■ *Как вам кажется, сейчас в обществе существует запрос на государство и государственные институты?*

Как говорят, социологи, скорее, да, чем нет. Вряд ли можно сказать, что запросов совсем нет. Формально институты есть, а реально мы ощущаем определенный недостаток. Недостаток упорядоченного устройства, я бы так сказал.

■ *Общество, с одной стороны, нуждается в определенных институтах и регуляции, но при этом, с некоторым недоверием относится к власти. Как вам кажется, на каких основаниях мог бы быть построен новый консенсус, какой-то новый общественный договор между властью и обществом?*

У нас, собственно, никогда никакого общественного договора

не было. Я не большой сторонник того, чтобы утверждать, будто существуют две договаривающихся стороны, одна из которых называется «власть», другая — «общество». И то, и другое не совсем правильно, как мне кажется, характеризует то, что происходит. Мы можем обратиться к более старым, более традиционным категориям политической философии, которые были в ходу, когда еще не было теорий общественного договора. Например, «знать» и «народ». Про знать и народ писал Макиавелли. **Знать и народ никогда не заключали никакого договора, у них всегда были большие проблемы в отношениях между собой.** Было удачное время в истории Рима, когда их борьбой поддерживалась республиканская свобода. А потом такого удачного времени больше не было. Я думаю, из этих рассуждений пятисотлетней давности мы извлечем больше, чем из многих новейших теорий. Ваш вопрос предполагает, будто народ у нас может чего-то захотеть и довести свое желание до знати, его послушают и все станет лучше или совсем хорошо. Но проблемы, с которыми мы сталкиваемся, возникли вовсе не из-за того, что знать вдруг забыла о народе; должна была помнить — а потом забыла. Здесь произошла интерференция, взаимное наложение в одном пространстве и времени двух устройств: с одной стороны, у нас разлагается, приходит в упадок наследие прошлой жизни, то есть социально-полицийское государство. С другой стороны, на передний план выходит более изначальное, простое социальное отношение народа и знати. Поэтому то, что, по идее, «народ» должен был бы довести до сведения «знати», — это проблемы, которые являются побочным продуктом ее функционирования. Разрушение социального и полицийского порядков не может не

происходить, например, в форме уменьшения социальной помощи, безопасности и общей надежности.

■ *Как вам кажется, какой тогда существует путь решения проблем, если они продуцируются существующей элитой? Путь, по которому сейчас идут арабские страны, это решение подобных проблем?*

Любые аналогии с арабами сомнительны, они напрашиваются у многих, но надо сказать, что мы в большинстве своем не знаем, что там происходит, мы судим, может быть, слишком поверхностно, поэтому я воздерживаюсь от аналогий. Но я не могу сказать, что там на место беспорядков приходит какой-то новый порядок. Он еще придет, конечно, и его начнут изучать. То, что мы видим, на поверхности предстает как перераспределение власти, изменение отдельных элементов ее устройства. Если мы представим себе чисто теоретически, что нечто похожее произошло у нас, то я не вижу, как отсюда, из такого хода событий мог бы произойти некий более надежный и внятный порядок.

Мне кажется, что вряд ли мы должны ждать в точном смысле слова повторения таких событий, которые мы сейчас видим в арабских странах. Скорее, **наша жизнь будет становиться более трудной из-за того, что там, где мы могли бы рассчитывать хотя бы на эти остатки порядка, мы не будем его находить.** Со стороны тех, кто управляет, это может выглядеть, например, либо как потеря управляемости, либо как увеличение количества неожиданных событий. И вот это будет проблемой. Вообще все радикальные переломы последних десятилетий поначалу выглядели как неожиданная потеря недавно еще существовавшей управляемости. Одно-два мероприятия, даже успешные, не смогут поменять об-

шую картину. Напротив, я бы скорее опасался того, что несколько лет назад сам я назвал в одной статье «триггерами абсолютных событий». Триггеры, критические события и тому подобное — это вполне возможные вещи. Впрочем, об этом сейчас стали уже много говорить, значит, до всех дошло.

■ *С чем связано такое разрушение существующего порядка, снижение количества порядка в реальности, с какими-то проблемами в существующей элите?*

Увеличение управляемости, которое ставилось целью в течение долгого времени, в долговременной перспективе само по себе является источником серьезных проблем. Мало кто сомневается в том, что, в случае необходимости, тот, у кого есть власть, может добиться исполнения большей части приказов. Но дальше начинается много всего неприятного, достаточно упомянуть о такой известной вещи, как «перегрузка сложностью». Это прекрасно знают специалисты по управлению. Другая сторона дела состоит в том, что неотъемлемой составляющей всей нашей социальной жизни всегда было то, что находится не на виду, а в тени. Это не обязательно коррупция в чистом виде, а разного рода молчаливые договоренности, подразумеваемые правила игры, которые выдаются за внятные и очевидные, и многое подобное в том же роде. Мы хорошо знаем, что комбинация открытого и закрытого — это важная вещь, вообще говоря, в любой социальной жизни, в любой стране. Определенная комбинация при счастливых обстоятельствах имеет характер более устойчивый и пролонгированный. А при несчастливых, когда баланс по той или иной причине сдвигается, чем больше мы хотим ясности и внятности, тем больше даже те правила, которые работали на поддержание баланса, так сказать, за кулисами, начинают идти вразнос и приводят к ухудшению всего и вся.

В этих обстоятельствах не нужно забывать, что не все, как известно, в воле человека, а много событий происходит помимо его во-

ли, и дальше вопрос только в том, насколько внятной и адекватной оказывается реакция на них. Это огромное количество катаклизмов, в которых никто не виноват, или виноват отчасти, начиная от природных катастроф и кончая актами террора. Эти катаклизмы представляют очень большой интерес, потому что они показывают, насколько хрупким является во всех смыслах этот порядок, насколько неадекватными оказываются способы реакции на его разрушение.

Здесь важно видеть простую тенденцию. **На каждое нарушение, на каждое неожиданное событие следует реакция, по видимости, адекватная, а в перспективе имеющая достаточно серьезные негативные последствия.** И последним обстоятельством, которое я не стал бы сбрасывать со счетов, является то, что мы вступаем в предвыборный год. Здесь возможно такое рассуждение. Известно, что когда в социальной жизни накапливаются трудноразрешимые противоречия и все напрягается, одним из способов восстановления социального мира является *заместительная жертва*. Выбор такой жертвы — трудная задача. Конкуренция в борьбе за власть всегда предполагает, что есть победители и проигравшие. Но проигравший — еще и заместительная жертва, то есть тот, кто, как оказывается, во всем виноват. Вспомним еще раз Макиавелли. Он говорит, что все его надежды — на нового государя. Он говорит, что испорчены и знать, и народ, но положиться на народ государь иногда может, а на знать — никогда. Между напряженным, требовательным, испорченным народом, алчной, умной, испорченной знатью и доблестным государем (добрость которого отнюдь не исключает совершенного негодяйства) возникает поле напряженного противостояния с неопределенным исходом. Если в этих обстоятельствах для восстановления мира и согласия искать заместительную жертву, может наступить своего рода управляемый хаос, Я противник конспирологии, но этот элемент управляемого хаоса, по всему раскладу, должен приниматься в расчет.

■ *Это элемент общественной и политической жизни, свойственный всему миру, или это российская специфика — воспроизведение управляемого хаоса?*

В той или иной степени он используется теми, кто умеет, и там, где нужно. Я бы не переоценивал значение всего этого. Иначе получится так, что у нас вся история, по крайней мере, известных нам лет, кем-то спланирована, а это полная дикость. Но было бы странно, если бы никто не видел, как много можно сделать в таком поле и не пытался внести свой вклад в учреждение неопределенности и страха.

■ *Как вам кажется, можем ли мы говорить о том, что лоялизм как идеология, охранительство находятся сейчас в кризисе?*

Да, это так. Я стараюсь избегать жестких суждений, но как человек, скорее, консервативный, я сам склонен к лоялизму, и я вижу, насколько это трудно. Потому что, по идее, это, как правило, именно так: плохой порядок лучше хорошего беспорядка, — хотя любой революционер скажет, что это неправда. Но, допустим, порядок лучше беспорядка, предсказуемость ситуации для какой-то нормальной рутинной жизни, как правило, для большинства людей предпочтительнее. Если, тем не менее, мы видим, как нарастает нелюбовь к этой рутине, недоверие, **то это связано только с одним: не порядок плох, а плохо то, что на том месте, где мог бы быть порядок, он не обнаруживается.** Я далек от мысли хвалить любой порядок, а то, что дыры в ужасном порядке могут быть более предпочтительны, чем его соблюдение, вряд ли нужно доказывать. Вообще, порядок может меняться, и борьба против худшего порядка за лучший — обычное дело. А уж в ситуации конфликтов, войн, переворотов и всего остального заранее известно: что делать, революция, старый порядок исчезает, вновь рождается новый порядок. Но если никакой революции, переворота нет, тогда ситуация, при которой мы в важных случаях и в важных местах не обнаруживаем ожидаемого порядка, воспринимается очень остро. ■

Ксения Колкунова специально для Ярославского Форума

ГОСУДАРСТВУ НЕТ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Валерий Фадеев

Валерий Фадеев — директор Института общественного проектирования, главный редактор журнала «Эксперт», член Совета Общественной палаты РФ, председатель комиссии Общественной палаты РФ по экономическому развитию и поддержке предпринимательства

Последние годы показали, что нигде государство не исчезло. Особенно хорошо это было видно, когда крупнейшие компании мира, транснациональные корпорации (а в самом этом термине, «транснациональные», звучит отрицание государства) побежали к своим правительствам. Государство все равно оказывается на порядок мощнее любой транснациональной корпорации. Нет никаких других институтов, которые могли бы решать серьезные проблемы. Даже разговоры о них не ведутся, кроме, может быть, разглаговствований о мировом правительстве. Но и это ведь тоже в некотором смысле государство.

Большинство населения отдает себе отчет в том, что государству нет альтернативы. Где они будут получать пенсии? Несомненно, имеет место недовольство по отношению к конкретным агентам государства. Но чаще граждане требуют исполнения государством своих функций. Ска-

жем, в России это так. Например, знаменитое «дело Егора Бычкова», который вместе со своими друзьями боролся с наркоманией в Нижнем Тагиле. Ведь он этим занялся потому, что государство не выполняет своей работы. Он пытался подменить собой государство. Если государство будет выполнять свои функции, он будет только поддерживать эту работу. **Пафос, по крайней мере, прошлого года — это требование к государству сделать то, что оно обязано сделать.**

Решением проблемы недовольства общества отдельными агентами власти может стать появление новых лиц, но у меня к этому, скорее, отношение негативное. Новые люди рождаются только новыми кризисами и новыми вызовами. Банальный пример — это Владимир Путин, который явился ответом на вызовы, стоявшие перед страной в конце 1990-х годов. Сейчас перед страной стоят новые вызовы, но они до конца не осознаны и недоформулированы. А раз так, то сама постановка задачи рекрутирования каких-то новых людей невозможна. Эти задачи могут быть сформулированы, грубо говоря, интеллектуальным классом народа, а он занят толкотней вокруг ложно понимаемого либерализма.

Отсюда и проблема охранения старого. Наше отношение к охранительству и охранителям связано с тем, как мы понимаем эти термины. У нас в России называют охранителями тех, кто в первую очередь «охраняет» существующий сегодня режим. Может быть, к ним относятся иронически. Потому что **многие, включая лидеров нынешнего политического режима, понимают необходимость перемен. Но это не означает, что надо отказываться от государства.** В этом смысле я сам являюсь охранителем. Если отказаться от государства и перестать его охранять, тогда надо согласиться с жесточайшей архаизацией современного общества. Оно должно откатиться лет на триста назад. Еще Кропоткин сетовал по поводу государства, которое после Ве-

ликой французской революции достигло невероятной мощности и проникло во все сферы жизни людей, и от него уже нельзя уклониться. Это он писал сто лет назад. Именно тотальность современного государства позволяет достигать чрезвычайно высокого качества жизни и той самой развитости западных государств, которую мы наблюдаем и которой завидуем.

Инстинктивно в современной российской политике многими ощущается отсутствие настоящей мощной динамики. Эта проблема кем-то осознается интуитивно, кто-то уже может сформулировать определенные требования, а также стоящие перед властью новые задачи. Но развития нет. И попытка президента Медведева запустить инновационный проект — это действия в правильном направлении. Однако похоже, что мощностей инновационного проекта, тем более сконцентрированного вокруг Сколково, недостаточно, чтобы страна перешла в режим развития. Хотя без этого проекта совсем было бы не о чем говорить, и поэтому я считаю, что проект всячески должен поддерживаться. Но надо искать другие зоны развития, создания жизни — жизни настоящей, социальной, экономической, политической.

Мы пока даже не пробуем серьезно говорить о региональном развитии. Попытки такого разговора существуют разве что в негативном смысле: вот здесь развитие возможно, а здесь — нет, ну и пропадайте! Мне кажется, это совершенно неправильно. Если мы обратимся к Европе, то обнаружим, что и там тоже, безусловно, есть зоны развивающиеся и затухающие. Но **никому не приходит в голову, что какой-то район, какой-то регион, где живут люди, можно превращать в пустыню.** Все-таки и общество, и государство стараются сделать так, чтобы жизнь в любой точке собственной страны была более или менее достойной. ■

Специально для Ярославского Форума

ЛОЯЛИЗМ ПОБЕДИТ, ДАЖЕ ВЫЙДЯ ИЗ МОДЫ

Сергей Шмидт

Сергей Шмидт — колумнист и блогер, известный как langobard; историк, доцент Иркутского государственного университета

«Лоялизм» — это не столько практика проживания нулевых, сколько одна из первых попыток подведения их итогов. Так как подведение итогов предполагает осуществление какой-то интеллектуальной работы на основе определенной образованности, не хотелось бы, рассуждая о носителях «лоялизма», определять данное явление как что-то вроде умонастроения, характерного для части так называемого образованного класса, или даже «думающего класса», поскольку образованности, мыследеятельности и уж тем более научности в лоялизме не больше, чем требуется для того, чтобы говорить и писать. Впрочем, этим лоялизм ничем принципиально не отличается от своих прошлых, нынешних, а также наверняка и будущих оппонентов.

Что же отличает лоялизм от его оппонентов? Во-первых, фактор отдаленности от власти, лояльность к которой деклари-

руется. Российские лоялисты XXI века всегда находились на достаточно далеком расстоянии от действующей власти, к которой, собственно, и были лояльны. Это очень важно. Лоялизм — это не чиновническое и не политическое, а вполне гражданское явление.

Во-вторых, лоялизм следует отличать от официальной идеологии, с которой его роднят элементы «патриотизма» (лоялисту действительно хочется видеть отечество процветающим и слегка сверхдержавным, но без всякой геополитической метафизики) и общая установка на то, что «в любом случае» лучше уж как сейчас, чем как в 1990-е. Однако в то, что основные успехи режима были обусловлены государственным гением и особой совестливостью его начальников, а не благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, лоялист не верит. Но, поскольку лоялизм — это «продукт второго срока» Владимира Путина, можно предположить, что данное явление довольно устойчиво в том смысле, что наступающие серьезные экономические проблемы для режима в целом на лояльном отношении к нему не отразятся.

Лоялизм возможен только во «время Путина». Лоялизма не будет «после Путина», поэтому и не имеет смысла говорить о лоялизме как о мировоззрении, а о лоялисте как типе личности

В-третьих, лоялизм — это принципиальное отрицание перфекционизма и любого предрасположения. Это установка на то, что сравнивать происходящее имеет смысл только с тем, что происходило или могло произойти, а не с тем, как должно быть. Путинскую Россию имеет смысл сравнивать с поздним СССР, но

задаваться вопросами, почему Россия не Швейцария, кто в этом виноват и кого за это следует осудить, — бессмысленно.

Лоялизм — это чуть ли не героический прагматизм. В том числе и на уровне пресловутого «другого народа у нас нет». Только с важными добавлениями, например: «и другого чиновничества тоже нет», как «нет и другого политического класса». Этот прагматизм, доведенный до высокой степени недоверия к альтернативам, наверное, и есть самое сильное и слабое место лоялизма одновременно. Сильное, ибо лоялиста нельзя поймать на удочку демагогических альтернатив. Слабое — из-за слепоты лоялиста к действительно реальным альтернативам.

Лоялизм — это аморализм. В хорошем смысле слова. Это отрицание практики вменения режиму «моральной вины». В первую очередь потому, что человеконенавистническая природа режима является предметом либо воспаленного воображения его чрезмерно эмоциональных противников, либо риторическим ходом с их стороны. Лоялизм — это отказ от моральных оценок не потому, что морали нет места в политике, а потому,

что «преступления режима» слишком уж очевидно ничтожны для того, чтобы можно было подвергать режим именно моральной критике.

Словом «лоялизм» уместно пользоваться не для того, чтобы избежать употребления красивого слова «консерватизм», и не для того, чтобы избежать упо-

требления некрасивого слова «конформизм». Лоялизм — это не политическое мировоззрение и не тип личности. Это определенная, политически окрашенная реакция на действительность, существующая исключительно в конкретном историческом времени, имеющая очень мало шансов сохранить хоть какой-нибудь потенциал для ежедневной актуализации после того, как это время закончится. Если сказать по-простому, то **лоялизм возможен только во «время Путина»**. Лоялизма не будет «после Путина», поэтому и не имеет смысла говорить о лоялизме как о мировоззрении, а о лоялисте как о типе личности, ибо и то и другое существуют вне зависимости от конкретного политического времени.

С недавних пор в Интернете зажил самостоятельной жизнью новый мем — «новые сердитые», который решительно вытесняет не очень удавшийся мем-проект «хипстеры» и достаточно удавшийся мем-проект «несогласные». И это первый серьезный речевой звоночек для лоялизма. Никто не знает, кто такие «новые сердитые», но все о них говорят, значит, скоро они появятся. Будут ли они страдать «параноидальным антипутинизмом», унаследовав его от своих непосредственных предшественников? Или, наоборот, усилят сердитость позаимствованными у лоялизма антиперфекционизмом и склонностью к предметным дискуссиям? Много интересных вопросов, подобных этим, можно задать про «новых сердитых».

Есть одно дурное предчувствие на их счет. Лоялизм, представляя собой условную «партию 2000-х», которая боролась против «партии 1990-х», строился на том, что в девяностые было хуже, чем в нулевые, и этого факта более чем достаточно для того, чтобы поддержать все, что происходило в нулевые. Так вот и «новые сердитые» могут скатиться в тот же риторический круг состязания последнего десятилетия XX века и первого десятилетия XXI. Девяностые уже проговариваются многими как «потерянный рай», неиспользованные возможности, правильная дорога, с которой свернули и заплутали. Если будет звучать (а так уже происходит) примитивное: назад в Россию ельцинскую из России путинской! — карту «новых сердитых» можно счесть битой.

Лоялизм победит, даже выйдя из моды. Если же «сердитость» будет опираться не на миф о вечном возвращении, а на миф о вечном движении, иначе говоря, произойдет-таки разрыв с повесткой под названием «постсоветская Россия» и девяностые оставят девяностым, а нулевые — нулевым, тогда у «сердитых» все будет хорошо. А начинать им следует с торжественных проводов лоялистов на пенсию с цветами, а не с призывов разобраться с ними по всей строгости революционной сердитости. Благодарить, прощаться, раздавать транквилизаторы тем, кто недоволен таким мягким обращением с лоялистами, и двигаться дальше. ■

Специально для Ярославского Форума

СНИЖЕНИЕ ЛОЯЛЬНОСТИ К ГОСУДАРСТВУ

АЛЕКСАНДР ШМЕЛЕВ — бывший главный редактор деловой газеты «Взгляд». Один из лидеров и идеологов движения «Новые правые», а также дискуссионного Столыпинского клуба

Специально для Ярославского Форума

Нынешняя российская власть столкнулась с серьезной проблемой. Возможно, она ее еще не осознает, но от этого значимость данной проблемы не снижается. Эта проблема — кризис лояльности. Для решения этой проблемы российская власть уже сегодня должна прилагать серьезные усилия. К сожалению, возможности маневра у нее достаточно ограничены. Так, **единственный шаг, который реально может предпринять нынешняя политическая элита, желающая сохранить существующий статус-кво, — это изобразить реальную смену власти**. Впрочем, при сохранении статус-кво в течение ближайших 10–15 лет в России может произойти то, что случилось в Египте и Тунисе. Чтобы этого не случилось, необходимо рекрутировать во власть новое поколение.

Новое поколение политиков часто приходит из местного самоуправления, но, к сожалению, местное самоуправление в России практически не развито, а появляющаяся зеленая поросль, grass roots, часто гибнет под асфальтовым катком губернаторской и федеральной властей. Так, мэров городов практически нигде более не

избирают, а назначают вместо них сити-менеджеров. Как вырваться из этой ситуации, сказать сложно. Может, просто объявить открытый конкурс? Впрочем, **людей, которые хотят оказаться у власти, довольно много, поэтому, скорее, вопрос в том, как отобрать лучших, а не откуда их взять**.

Это тем более важно в России, где люди не читают политические программы, а реагируют на персоналии и на общий меседж, который эти персоналии несут. Скажем, медведевский меседж под условным названием «модернизация» концептуально вполне разумен. Равно и путинские меседжи про стабильность и постепенное развитие также неплохи. Но при столкновении этих двух меседжей, с одной стороны, люди запутываются, а с другой — понимают, что не наблюдают ни того ни другого.

Как следствие — снижается лояльность по отношению к государству. Люди видят: что-то неладно. Представители власти открыто критикуют друг друга, правоохранительные органы открыто друг с другом воюют. В подобных условиях требовать от простых людей лояльности нельзя. ■

РОССИЯ НУЖДАЕТСЯ В ЛИДЕРСТВЕ

Герхард Манготт

ГЕРХАРД МАНГОТТ — австрийский политолог и эксперт в области Восточной Европы и России. С 2003 года — профессор политологии в университете Инсбрука. Член Австрийского общества политологии (АОП), научный советник Общества имени Пола Лазарфельда (Вена)

■ На каких столбах, при всех разговорах о кризисе институтов представительства, держится сегодняшняя лояльность политическим институтам в России, без которой вся политическая система просто бы рассыпалась? Это экономический достаток, обычный консерватизм или что-то еще?

России не хватает общественной поддержки институтов, при этом электорат готов всецело поддерживать отдельных индивидов. Пренебрегая тем, что в долгосрочной перспективе институты способствуют стабильности, **Россия до сих пор строила свой общественный строй и политический режим вокруг харизматичных личностей.** Это по определению рискованный путь, поскольку страна на этом пути становится весьма уязвимой перед внешними потрясениями, например экономическими и социальными кризисами.

Лидерам в России доверяют гораздо больше, чем институтам. Но что же будет, если харизма лидера ослабнет или исчезнет совсем, а под рукой не окажется никакой подходящей харизматичной замены? В этом случае весь политический порядок может пошатнуться.

■ *Вокруг чего, на ваш взгляд, мог бы сложиться «новый консенсус» власти и общества, новый «общественный договор»? Насколько проблема обновления консенсуса власти и общества актуальна для России?*

Самой существенной чертой страны путинского периода было желание населения обменять свое участие в политике на порядок, стабильность и экономическое возрождение. И до сих пор все складывалось неплохо. Однако есть два фактора, которые могут в конечном итоге подорвать это негласное соглашение: во-первых, российское правительство пока упустило все возможности диверсифицировать экономику. Рост ВВП, повышение фактических доходов и оптимизма в микроэкономике по-прежнему могут быть остановлены внешними экономическими потрясениями, что и произошло во время глобального экономического и финансового кризиса. Рост ВВП, налоговая и денежная стабильность, стабильный рынок труда и гарантированные социальные выплаты со стороны государства зависят от спроса на российские товары по высоким ценам. По сути это означает, что **российское правительство не сможет поддерживать стратегию экономического и социального роста, если иностранные рынки сократятся.**

Во-вторых, если рост благосостояния в России продолжится, нарождающийся средний класс может потребовать больших политических свобод, прозрачности деятельности правителей и отчета от них. Российскому правительству следует осознавать существование этой неотъемлемой «расшатывающей» угрозы экономическому успеху.

■ *Кто составляет новое большинство (класс, слой, прослойку), кто тот новый политический субъект, на который может опереться российская власть, если она решит-таки осуществить «перестройку» общества? Сможет ли средний класс стать этим новым субъектом?*

Российскому правительству следовало бы пересмотреть свой подход к общественному договору, принимая во внимание нарождающийся средний класс, который может потребовать от российского политического класса большей ответственности, прозрачности и отчета. Не получив достаточно возможностей для участия в политической жизни страны, средний класс забудет о негласном пакте, одобренном в путинский период.

■ *С какой программой Дмитрию Медведеву следует идти на следующие президентские выборы, если он решится принять в них участие?*

Президенту Медведеву нужно перевести свой достаточно абстрактный и слишком уж общий «модернизационный подход» на язык более осязаемых краткосрочных реформ и целей. Российских граждан следует убедить в том, что их лидер смотрит не только в отдаленное будущее, но также способен воплощать свои модернизационные задумки шаг за шагом.

Политическое лидерство строится на перспективах, подробно проработанных планах, надежности и уверенности общества в том, что лидер способен исполнять свои обязанности эффективно и по существу. Президент, не желающий потерять свой пост, должен убедить россиян в своих интеллектуальных и политических способностях, а также в том, что он самостоятельно действует на политической сцене. Он может стать лидером перемен, только если общество не станет считать, что им помыкают другие деятели и непонятные сети влияния. ■

Юлия Нетесова специально для Ярославского Форума

ГДЕ ПОВЕСТКА МЕДВЕДЕВА?

ЛЕОНИД РАДЗИХОВСКИЙ – член Союза писателей Москвы, председатель Наблюдательного совета Агентства политических и экономических коммуникаций, лауреат премии «Золотое перо России»

Специально для Ярославского Форума

В современном мире политика предназначена для того, чтобы не было возможности и необходимости в вооруженных восстаниях. Именно для этого и придуманы многочисленные демократические процедуры.

Работают ли в современной России механизмы демократической смены власти? Пока слова высших руководителей государства о том, что они самостоятельно, без участия народа, решат, кто будет следующим президентом страны, наталкивают на мысль, что эти механизмы не работают. Поэтому пока вопрос о политической программе будущего президента может представлять только академический интерес. Вот когда будет решено, кто станет следующим президентом страны, станет понятно, какая будет повестка следующих нескольких лет существования страны.

Пока у нынешнего президента страны Дмитрия Медведева не проглядывается признаков наличия собственной политической программы. Все его слова – часть «здорового смысла» любого гражданина страны. Например, Дмитрий Медведев против взяток, но едва ли найдется кто-либо, кто подал бы свой голос «за» расцвет коррупции. Дмитрий Медведев выступает за уменьшение сырьевой

зависимости страны и создание технологической, инновационной экономики. Но кто против? Поэтому пока никакой специфической медведовской повестки выделить практически невозможно.

Впрочем, в отсутствие кризиса лояльности это и не важно, тем более что в отличие от арабских стран российское общество абсолютно лояльно власти и не собирается выступать против нее. Последний полуанекдотический пример, когда на голосовании тотемного знака Олимпиады достаточно было Путину сказать, что он за леопарда, и тут же этот леопард вышел на первое место, говорит о подлинном отношении общества к власти намного более ясно, чем любые признаки падения рейтингов членов правящего тандема.

Российское общество до сих пор придерживается политического контракта, содержание которого очень просто: пока я ем, я глух и нем. Пока власть кормит население, население согласно с властью. Если власть перестанет кормить, посмотрим. Тем более что сейчас никаких восторгов по отношению к Путину в обществе уже нет. Любовь прошла, осталась апатия и привычка, которая, как еще писал классик, выступает заменой счастью. ■

НОВАЯ ПОВЕСТКА СРЕДНЕГО КЛАССА

ЭНДРЮ КАЧИНС – ведущий эксперт по вопросам внешней политики и безопасности России, директор программы по России и Евразии американского Центра стратегических и международных исследований (CSIS)

Специально для Ярославского Форума

Численность среднего класса в России продолжает расти и, как я надеюсь, относительно скоро он сможет составить основную часть всего населения. Тогда **требования и желания среднего класса потребуются все более подробно отражать в политике, проводимой российским правительством, в противном случае это правительство потеряет поддержку избирателей.** Это основополагающее положение теории модернизации. Я ни на минуту не сомневаюсь, что Россия, как и любая все более процветающая страна, пройдет через эту ступень эволюции.

Российское общество сегодня испытывает стремление к трансформации. Среди чаемых пунктов этой трансформации, я бы отметил более надежные гарантии социального благополучия, прав на собственность, соблюдения законности, Особенно отмечу запрос на борьбу с коррупцией.

Обращение к нации Владимира Путина в 1999 году, накануне начала нового тысячелетия, представляет собой блестящий политический документ. Я преподаю российскую внутреннюю и внешнюю политику в университете Джона Хопкинса, не так давно мы как раз

изучали этот документ, в котором великолепно отразились настроения россиян, их желание жить в дальнейшем без революций в стабильной и процветающей стране. Большинство россиян добилось этого за последнее десятилетие, именно поэтому рейтинг популярности Путина как президента и как премьер-министра постоянно оставался и продолжает оставаться таким высоким.

Однако **Россия 2011 года отличается от России 1999 года. И хотя сегодня все точно также стремятся к стабильности и предсказуемости, этот вопрос уже не стоит так остро,** как в девяностых годах, когда сначала обанкротился СССР, а затем произошел кризис 1998 года. Я думаю, что россияне будут предъявлять к своим лидерам и к своему правительству все более высокие требования – в социальной, юридической, медицинской и других сферах. Я думаю, что кандидат, который победит на президентских выборах в 2012 году, должен будет выстраивать свою программу именно вокруг этой проблемы – проблемы, которую мы в социологии называем общим термином «модернизация». ■

СТРЕМЛЕНИЕ СОХРАНИТЬ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Тимур Алиев

ТИМУР АЛИЕВ — помощник президента Чеченской Республики, популярный блогер [timur_aliev](#)

Размышления о причинах немотивированности лояльности зависят от того, что считать ключевым в этом словосочетании. Если ключевое слово «мода», можно вспомнить, что в начале 2000-х действительно существовало такое понятие: слова «Путин», «президент» — они стали брендом. Даже не лоялисты использовали этот бренд, пускай и в своих целях, — вспомним колонку Минкина в «МК» «Письма президенту».

Сегодня нечто подобное происходит в Чеченской Республике. То, что многие аналитики и журналисты называют неким культом личности Кадырова, на самом деле для большинства жителей Чечни есть очень успешный бренд «Рамзан Кадыров», к которому хочется приблизиться.

Принято считать, что молодежная среда более радикальна и не подвержена моде на политический лоялизм, а молодежные политические течения их членами воспринимаются исключительно как карьерные лифты. Не согласен. Например, в Чечне

есть такая категория молодых людей, мечтающих ездить на автомашине «Лада-Приора», носить на боку пистолет Стечкина (для несилувиков — пускай травматический) и иметь в мобильном телефоне свою фотографию с Рамзаном Кадыровым (за неимением таковой — просто фото Кадырова). Третье условие — наиболее легко выполнимое. Так вот, эти молодые люди — классические лоялисты. И в этом нет ничего нового. Так что **лояльность власти в молодежной среде возможна. Главное — правильно выбрать политический бренд.**

Не будем забывать при этом, что появление политических брендов связано с тем, что политика выстраивалась как бизнес: товар нужно продать. А брендовый товар продается легче. Политтехнологи 2000-х предложили политическому рынку новинку — политический лоялизм и бешено разрекламировали его. Но старые бренды уходят, заменяются новыми. Как модники превращаются в консерваторов, если не изменяют своим вкусам, так лоялисты превратились в охранителей. Однако если модникам подражают, то над консерваторами подсмеиваются. Так и в политической сфере.

Если продолжать относиться к политике как к бизнесу, то и менять нужно все соответственно — нужны новые бренды. Не обязательно революционные — схема наработана, нужно лишь вставить в нее новые элементы.

Но вернемся вновь к словосочетанию «мода на лояльность». Если за ключевое слово возьмем «лояльность», то снижение уровня лояльности к власти (как и ее повышение) может объясняться не только изменчивой модой на те или иные политические бренды. Есть вещи более глобальные. Так **мировой кризис государственности во многом связан с появлением и возрастанием роли надгосу-**

дарственных (транснациональных) институтов (так называемый глобализм). Действительно, формирование глобальной экономики требует управленческих и регулирующих решений, выходящих за рамки «национального» государства. Возникает реальное противоречие между интересами мировой (глобальной) экономики и интересами отдельно взятого государства. Например, для мировой экономики Россия интересна, прежде всего, как поставщик сырья, в то время как государственные интересы России требуют создания в стране высокотехнологичной инновационной экономики.

К тому же лояльность к существующей власти и лояльность к Отечеству (патриотизм) никогда не были тождественны в российском обществе. Причем практически всегда имело место известное отчуждение общества от государства и его институтов. Степень этого отчуждения менялась на разных исторических этапах, однако никогда не исчезала, поскольку власть не ставила целью служение обществу, но всегда принуждала общество служить государству.

К тому же сложившееся распределение национального богатства не имеет морального оправдания в глазах российского общества. Лояльность общества к существующей власти и в середине 2000-х, и сегодня в решающей мере обеспечивается стремлением власти (несмотря на все ее пороки) сохранить российскую государственность, не допустить развала страны и обеспечить ее будущее. Можно сказать, что степень лояльности российского общества к власти в решающей степени определяется степенью патриотизма самой власти. ■

Специально
для Ярославского Форума

ЛЕВИАФАН ОСТАЛСЯ В ПРОШЛОМ

Петер Шульце

ПЕТЕР ШУЛЬЦЕ — профессор политологии Геттингенского университета

■ *Вокруг чего, на ваш взгляд, могли бы сложиться «новый консенсус» власти и общества, новый «общественный договор»?*

Боюсь, никаких серьезных изменений в построении обществ и в их взаимоотношениях с властными структурами или правящими слоями, элитами и так далее не произошло. Легитимация власти по-прежнему остается ключевой проблемой. Она основана на общественном консенсусе, который, разумеется, не является статичным или фиксированным. Поскольку экономика проводит общество через стадии роста, упадка и, самое главное, модернизации (то есть непрерывной борьбы за производство высококачественных конкурентоспособных товаров, а также за высокие технологии, которые необходимо распространять и внедрять в промышленность), любому обществу и политической системе приходится непрерывно переживать потрясения, которые могут быть вызваны подобными

процессами. В сфере глобальной экономики отдельному национальному государству в одиночку с такими «внешними факторами» не справиться. Нынешний экономический и финансовый кризис показал, как важна договорная солидарность, по крайней мере, для Евросоюза и его членов.

Идеология неолиберализма и индивидуализма, акцент на рыночных законах как единственном факторе, определяющем благосостояние и стабильность обществ и государств, потерпели фиаско. В реальном мире экономическая деятельность уже встала на путь совместной ответственности государства и рынка. Это приведет не к возрождению социализма или государственного планирования, а к более активной роли государства в экономических вопросах и отношениях с обществом. Тем не менее в одиночку, не получая общественной поддержки, государство функционировать не может. Требуется, чтобы гражданское общество активно участвовало в принятии решений снизу. Если такую модель удастся построить с помощью динамического взаимодействия социальных и политических институтов, проблема легитимности и лояльности будет надежно решена в новом общественном договоре.

иметь открытые каналы для взаимодействия с принимающими решения фигурами, которые были выбраны на основе четких политических и социальных критериев и, соответственно, могут быть подвергнуты контролю.

■ *Насколько проблема обновления консенсуса власти и общества актуальна для стран Запада?*

Во всех развитых обществах остро стоит вопрос нового общественного договора. Поскольку мы в самом деле видим недочеты нашей избирательной системы, партии и профсоюзы исчезают и теряют доверие общества, люди больше не идут голосовать, а главное — количество людей с антиполитическими или аполитичными настроениями все увеличивается. Если не удастся мобилизовать граждан на то, чтобы они воспитали в себе сознательность и социальную ответственность за судьбу наших обществ, то у нас ничего не получится, а последствия будут ужасны. Откровенно говоря, нам требуется снова внедрить старую идею в сознание наших людей. Суть этой идеи в том, что надо служить обществу и способствовать осуществлению его целей.

Этого не сделать, опираясь на традиционные консервативные

Образ левиафана, то есть огромной корпорации, в которой труд и капитал сосредоточены и работают в соответствии с иерархической структурой и порядком, остался в прошлом

Для реализации модели активного гражданского участия требуется обеспечить основные права и привилегии граждан, чтобы они могли свободно самовыражаться, организовываться и общаться друг с другом,

идеологии или формулы. Новая модель должна опираться на требования, вытекающие из новых технологий и их внедрения в промышленность. **Образ левиафана, то есть огромной корпорации, в которой труд и капитал со-**

средоточены и работают в соответствии с иерархической структурой и порядком, остался в прошлом. Конечно, какие-то из динозавров выживут. Но остальные будут собраны из мелких и средних предприятий, работающих самостоятельно, группами или в сотрудничестве с крупными корпорациями. Их ответ на перемены будет более быстрым и эффективным, затрат станет меньше, поскольку они станут гибко реагировать на внедрение инноваций, легко подстраиваться под изменения рынка и появление новых технологий. И такая среда скажется на внутренней структуре этих фирм, потребовав очень гибкой организации труда. Горизонтальная иерархия начальства, перенос ответственности на нижние и периферические уровни, повы-

Если ответить коротко, то для переустройства общества требуется поддержка средних классов, особенно интеллигенции. Самое важное — создать техническую интеллигенцию. Однако такой план нельзя основывать на среднем классе, который преимущественно занимается торговлей и оказанием услуг или другими видами непроизводительной деятельности. Чтобы благополучно построить эту модель, необходимо создать мелкого и среднего предпринимателя. И немецкая модель послужит тому доказательством. Колыбель и двигатель промышленности и технологических инноваций — это земля Баден-Вюртемберг и Бавария, и, наверное, к ним уже можно добавить Саксонию. Там соотношение мелкого и

но. Господство закона (или, как однажды выразился президент Путин, «диктатура закона») должно быть введено в действие — и не важно, кто будет при этом наказан. Подобные шаги восстанавливают доверие народа к политической системе и уверенность в ней, а также обуздывают разгул коррупции и произвола. В то же время государство должно выступать в роли доступного партнера, обслуживающей организации, которая отличается эффективностью, непредвзятой позицией и способностью слышать просьбы народа. Чтобы получить и освоить эту роль, политическая система должна создать независимых и самостоятельных посредников (партии, общественные организации, движения и т.п.), к которым народ будет также испытывать уважение и доверие.

Надо вплести больше справедливости в ткань нашего общества. Господство закона должно быть введено в действие — и не важно, кто будет при этом наказан

Социальный вопрос стоит на повестке дня и останется там еще долго. К тому же социальные вопросы уже больше нельзя решать в национальных рамках. Средств отдельных государств просто недостаточно для того, чтобы гарантировать общественный мир, политическую стабильность. Ситуация еще больше усугубляется, если мы посмотрим на ежегодное вторжение сотен тысяч трудовых мигрантов из стран третьего мира или бедных районов Европейского континента. Их поток способен нарушить однородность западных обществ, создать отчужденность и привести к неразумным социальным протестным настроениям, которыми могут воспользоваться авторитарные силы.

шение личной и коллективной ответственности за выполненную работу.

Подобные явления не могут происходить на «очаговый манер», требуется социальная модель, охватывающая все сферы общества, — например, школьное образование и высшее образование, открытость международных контактов и сотрудничества. Любое общество всегда является отражением основополагающих условий того, как в нем организован труд и производство. Прошли те времена, когда обществом можно было управлять с помощью репрессий.

среднего бизнеса, с одной стороны, и крупных корпораций, с другой, составляет примерно 80 к 20.

Все это не означает, что рабочий класс не может принимать участия в росте и укреплении стабильности. Их роль через зарплату связана с ростом производительности и постоянным улучшением безопасности труда и элементов промышленной демократии.

■ *Какие есть способы для власти добиться дополнительной легитимности и лояльности (при этом сохраняя уже существующие), необходимых для экономической, кадровой, политической и так далее перестройки?*

■ *Кто составляет новое большинство (класс, слой, прослойку), кто тот новый политический субъект, на который может опереться власть, ищущая способ осуществить «перестройку» общества, если таковая все же понадобится? Сможет ли средний класс стать этим новым субъектом?*

Простой и радикальный ответ: надо вплести больше справедливости в ткань нашего общества и в отношения между «нами и ими». Наказать тех, кто злоупотребляет своим положением во власти и обогащается беззастенчиво и незаконно.

Чтобы побороть подобные явления, таящие в себе потенциальную опасность, чтобы сохранить и укрепить «социальную перестройку», потребуется политическая система, основанная на активных взаимодействиях между сегментами общества. ■

Юлия Нетесова специально для Ярославского Форума

В ПОИСКАХ НОВОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ

Владимир Плигин

Владимир Плигин — Депутат Государственной Думы. Глава комитета по конституционному законодательству и государственному строительству ГД РФ

■ *Могут ли арабские революции и протестные выступления, имеющие место и в России, и в Америке, проиллюстрировать кризис лояльности?*

Мы говорим о фундаментальных мировых событиях. В их основе лежат те проблемы, с которыми мир столкнется в XXI веке. Принципиальным здесь является изменение демографической картины мира и появление глобального общества. В тех странах, где сейчас происходят столь сложные события, в течение последнего времени наблюдался быстрый прирост населения, рост числа молодых людей. Национальные экономики этих стран не смогли приспособиться к этому явлению. Точно так же и **политическая система не нашла в себе способы встретить те требования, которые выдвигают молодые поколения.** Целый ряд стран в принципе не обладает ресурсами для того, чтобы обеспечить более или менее достойную жизнь большого количества молодых людей.

Глобальное информационное пространство дает очень четкие

представления о тех возможностях, формулах, формах жизни, которые кажутся естественно привлекательными и важными. Эти формы жизни ассоциируются со свободой, с равенством, с возможностью достижения приложении некоторых усилий определенных целей, которые часто оказываются недостижимыми и реально невозможными. Именно в этом и состоит кризис, который привел, в конечном счете, к кризису легитимности власти.

■ *Это естественный процесс в глобальном обществе, который всегда приводит к испытанию легитимности?*

До конца соотношение глобального и конкретного «государственного» понять очень сложно. В глобальных миграционных процессах участвуют более 300 млн. человек. Государственные формы должны адаптироваться к этим сложным явлениям. Для государственных форм это вызов, практически во всех странах. В том числе, вызов с точки зрения реализации концепции мультикультурности.

■ *Для реализации самых разных проектов, в области межнациональных отношений, для экономической, политической перестройки власти необходима дополнительная легитимность. Как можно добиться этой легитимности, сохранив при этом имеющуюся?*

Есть классические формулы, которые наиболее адекватны в настоящее время, несмотря на споры вокруг них. Это формулы демократических, свободных обществ. Одновременно нужно понимать, что государство, в котором существует общество, должно быть правовым. Необходимо сочетание постоянного диалога в рамках демократических процедур, которые обеспечат институт доверия, и, одновременно, выполнение установленных правил, ко-

торые определяют легитимность государства.

■ *В последнее время в России мы наблюдаем некоторое отторжение традиционных демократических институтов большинством населения, некоторое равнодушие, может быть, аполитичность. Почему лояльность власти сейчас не в моде?*

В России мы не наблюдаем отторжения демократических институтов большинством населения. Даже в том случае, **когда мы говорим о пассивности и отстраненности, то нужно понимать, что это мотивируется не отторжением демократических институтов, а запросом на дополнительное развитие демократических институтов.** Действительно, значительное число лиц (но не большинство!) чувствуют себя вне системы. У них часто существует желание построения некоей иной модели, может быть, не до конца оформившееся. Но это не отторжение демократических институтов.

■ *На основании чего возможен консенсус общества и формирующихся элит?*

Консенсус возможен на основе потребности в современном, прозрачном, открытом, не коррумпированном государстве, дающем возможность достойно жить и обеспечивающем свободу и безопасность. Безопасность, свобода и возможность для самореализации — это очень привлекательная и абсолютно прагматичная формула, которая видится, с моей точки зрения, многим, особенно молодым людям. Я встречаюсь с представителями многих крупных компаний, которые говорят о необходимости развития государства по формуле, указанной выше. Эта формула им уже необходима. Запрос есть, нужно приложить усилия для формулирования ответа. ■

Беседовала Ксения Колкунова

ОБУЗДАТЬ ЭЛИТЫ!

Йоран Терборн

Йоран Терборн — один из ведущих левых мыслителей, профессор социологии Кембриджского университета, постоянный автор издания *New Left Review*. Автор книг: «Что делает правящий класс, когда он правит?» (2008), «От марксизма к постмарксизму» (2008), «Европейская современность и далее: траектория европейских обществ 1945–2000» (1995)

■ *На каких столбах держится лояльность политическим институтам, без которой вся политическая система просто бы рассыпалась? Это экономический достаток, обычный консерватизм или что-то еще?*

Нет, это нечто другое. Во-первых, ощущение совместного владения. Когда человек ощущает, что это его государство, его политическая система. Во-вторых, ощущение справедливости, то есть уверенность в том, что даже если решение отдельного индивида окажется несправедливым, то отношение этих институтов к любому человеку будет справедливым и понятным, по крайней мере, при нормальных обстоятельствах. В-третьих, ощущение защиты. Ощущение, что эти институты защищают тебя от насилия, обмана, нужды и бедности. В-четвертых, ощущение

открытых возможностей. Ощущение того, что эти институты предоставляют возможность жить той жизнью, которой мне хотелось бы.

■ *Революции на Ближнем Востоке показали, что прежний общественный договор, который держал ближневосточные общества на плаву долгие годы, оказался расторгнут. Вокруг чего, на ваш взгляд, мог бы сложиться новый консенсус власти и общества, новый общественный договор? Насколько проблема обновления консенсуса власти и общества актуальна для стран Запада?*

Напряжение многие годы копилось в арабском мире, в обществах, где более 60 процентов населения — люди моложе тридцати лет, большинство из которых живут в городах и получили образование, однако работы найти не смогли. Следовательно, в этих обществах у них нет шанса создать семью (а это единственный законный способ вступить в отношения с противоположным полом). Профессионалам надоели фальсифицированные выборы, цензура СМИ и авторитарный контроль организаций гражданского общества. Простые бизнесмены, так же как и большая часть населения, ненавидели коррумпированный и продажный политический капитализм. Уверенный экономический рост в последние десятилетия никоим образом не сказался на политических манипуляциях, авторитаризме и коррупции и лишь едва коснулся массовой безработицы. Новый общественный договор, приемлемый для народа, потребует честного и справедливого правительства, способного обеспечить социальноэкономическую защиту и возможности всему населению. Западные страны менее уязвимы, поскольку там проходят свободные честные выборы, государство опирается на законы, а коррупция в полиции и в среде бюрократии незначительна. Разумеется, каждая страна устроена по-своему. В Греции, Италии и Франции уровень коррупции и мошенничества выше. Безработная молодежь считает, что ее вы-

кинули из общественного договора, поэтому она бунтует, особенно во Франции и Греции.

■ *Кто составляет новое большинство (класс, слой, прослойку), кто тот новый политический субъект, на который может опереться власть, ищущая способ осуществить перестройку общества, если таковая понадобится? Сможет ли средний класс стать этим новым субъектом?*

Режиму, вознамерившемуся перестроить общество, следует охватить все население, обеспечив защиту и равные возможности всем классам. В противном случае он вскоре снова окажется под угрозой. Средний класс во многих странах стал политически весьма активным, он вышел на улицы, как в XIX веке в Западной Европе. Но этого самого по себе недостаточно для складывания устойчивого общественного договора.

■ *Насколько остро в мире стоит проблема «непризнанной элиты», то есть непризнания обществом тех, кто называет себя элитами и пользуется привилегиями? Насколько злободневна проблема достижения нового консенсуса общества с элитами?*

Недавний и повторяющиеся финансовые кризисы (1997–1998, 2001–2002, 2008–2009) привели к повышению уровня безработицы и обнищанию, заставили людей покинуть свои дома, показали, что финансовые элиты — это и есть главная проблема. Их власть, влияние, опрометчивость и жестокость, проистекающие из привилегированного положения в отрыве от народа, представляют собой основные угрозы в мире. **Элиты нужно остановить и обуздать, а не умиротворять их новым консенсусом.** Многие из представителей элиты наделены острым умом и математическими способностями, но особыми знаниями они похвастаться не могут, не обладают они и особыми достоинствами в социальном и гражданском смысле. ■

Юлия Нетесова специально для Ярославского Форума

ВЯЛОТЕКУЩИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Крис Хеджес

ПОЗИЦИЯ

Крис Хеджес — журналист, писатель. В 2002 году стал лауреатом Пулитцеровской премии за цикл статей о глобальном терроризме для The New York Times. Автор нескольких книг, включая бестселлеры «Война — это сила, которая дает нам смысл» (2002), «Империя иллюзии: конец образованности и триумф спектакля» (2009), «Смерть либерального класса» (2010)

Чем менее демократично государство, тем более влиятельной становится его элита. Чем меньше открытости в обществе, тем сильнее ущемляются права граждан, тем больше влияния и финансовых благ получает элита. В США идет постепенное разрушение демократических устоев страны, «корпоративная Америка» приобретает все больший вес в обществе. По словам Шелдона Уоллена, возможно величайшего из современных американских философов, американцы живут в системе «инвертированного тоталитаризма». Под этим он подразумевает, что **мы живем не при классическом тоталитаризме, когда у власти находится демагог или ха-**

ризматический лидер, а в анонимности корпоративного государства.

При классическом тоталитаризме революционная (или реакционная) сила сбрасывает или разрушает загнивающую структуру. Примером этого может служить свержение в России царского режима большевиками. В этом случае старый режим заменяется чем-то новым — появляется новый язык, новая иконография, новый символизм, новая история.

Сегодня в США при инвертированном тоталитаризме мы сталкиваемся с корпоративными силами, которые делают вид, что привержены иконографии и языку американского патриотизма, американской электоральной политике, конституции. При этом они используют извращенные и коррупционные рычаги влияния для удержания под своим контролем граждан собственной страны.

То, что у нас происходит, я назвал бы вялотекущим государственным переворотом. Интересы, волнения и проблемы рядовых граждан больше никого не интересуют. В США у руля оказался класс олигархов. Это принесло с собой огромное расслоение между богатыми и бедными. Фактически в США уже сложился целый класс обездолен-

кто частично занят на очень низкооплачиваемых должностях и пытается найти работу с полной занятостью.

Например, многие сотрудники таких гигантских торговых сетей, как «Уолмарт», работают всего лишь 28 часов в неделю, их зарплаты не позволяют им подняться выше порога бедности. Эти люди настолько бедны, что попадают под программу распределения продовольственных талонов. Такое «преобразование» американского общества и лишение рабочих людей их прав привело к разрушению нашей производственной базы, к резкому уменьшению числа представителей среднего класса, к бурному развитию олигархии.

Элита, разумеется, всегда была частью американского общества, но сегодняшняя элита узурпировала как финансовую, так и политическую сферу, чего раньше не происходило. Элита обслуживает интересы корпораций, а не интересы национального государства.

Корпорации транснациональны, им не присуща лояльность тому или иному национальному государству. Корпорации с радостью продают автомобили представителям среднего класса по всему миру. Корпорации вовсе не стремятся поддерживать американский средний класс. Они

Мы живем не при классическом тоталитаризме, когда у власти находится демагог или харизматический лидер, а в анонимности корпоративного государства

ных людей. Официально безработица в США находится на уровне 9–10 процентов, однако фактически она составляет 17–20 процентов, если принять во внимание тех, кто уже отчаялся найти работу, а также тех,

создают новую глобальную структуру, апофеозом которой стал тоталитарный капитализм, практикуемый в Китае. **Когда американская элита заявляет американским рабочим, что они должны быть конкурентоспособ-**

ны на глобальном рынке, на самом деле она имеет в виду конкуренцию с рынком тюремного труда в Китае.

Элита такого рода, как я описал, выходит за рамки национальных границ. Она составляет глобальный олигархический класс, который не только легитимирует новые способы эксплуатации трудящихся в рамках огромных корпораций, но и, что более важно, ставит под свой контроль такие вопросы, как снижение выброса газов в атмосферу. Посмотрите, как представители корпораций свели на нет подписание Киотского протокола в Копенгагене. Эти элиты превращают в товар абсолютно все, в том числе людей и природу, которую они эксплуатируют до изнеможения. Именно поэтому экологический кризис неразрывно связан с кризисом экономическим.

Развитие корпораций будет неизбежно сопровождаться все более частыми нарушениями прав граждан. В США происходит значимая эрозия основополагающих прав человека, мы видим уничтожение презумпции невиновности и т.д.

В будущем американцы, чьи права нарушаются, будут публично высказывать свое недовольство и оказывать сопротивление. Как вы помните, из-за финансового и банковского кризиса многие американцы, которые больше не смогли оплачивать ипотеку, оказались выброшенными на улицу. Государство уничтожает последние остатки социального обеспечения граждан. В США около половины банкротств физических лиц связаны с тем, что граждане оказываются не в состоянии платить по медицинским счетам. Более 50 миллионов американцев даже не имеют медицинской страховки. Один из четырех американских детей питается по государственными продовольственным талонам.

Корпорации, ставящие во главу угла только извлечение прибыли, совершенно не заботятся о социальных благах рядовых американцев. Корпорации и в будущем продолжают ущемлять права граждан, что вызовет соответствующую реакцию в обществе. Однако **в распоряжении корпораций находятся ужасающие инструменты как внутреннего, так и внешнего контроля, и они к ним обязательно прибегнут.**

Когда я присутствовал на совещаниях Большой двадцатки в Питтсбурге, я стал свидетелем того, как элиты заполнили военными центр города, — туда был введен элитный гвардейский батальон, вернувшийся из Ирака. Вооруженные до зубов солдаты организовали в центре Питтсбурга многочисленные КПП. Это было похоже на Багдад, где я, кстати, тоже бывал. К этому все и идет. Попытки преобразовать и улучшить американское общество в целом оказываются тщетными, давление со стороны элит на оставшийся рабочий и средний класс постоянно растет. Думаю, это скоро приведет к недовольству в обществе. Однако реакция государства на это недовольство может оказаться пугающей. ■

Специально для Ярославского Форума

НЕУСТОЙЧИВЫЙ АВТОРИТАРИЗМ

САНГИТ ВАРГЕСЕ – индийский эксперт по вопросам лидерства, основатель и руководитель организации LeadCap (создана в целях формирования поколения новых лидеров в Индии)

Специально для Ярославского Форума

В своих исследованиях, посвященных лидерству, я показываю, что формат государства со временем становится все более открытым и уже имеет мало общего с исходным закрытым типом, где власть возлагается на одного или на нескольких людей. Например, на смену автократии и монархии приходит демократия, а патриархальные семьи уступают более равноправным. В устройстве любой структуры вначале существует огромная пропасть между правителем и подчиненными. Однако со временем этот разрыв обычно сокращается.

Я твердо верю в то, что авторитарные режимы (хотя с них все начинается) в эволюционном смысле нестабильны, им приходится развиваться в сторону более открытых форматов, которые дают подчиненным больше возможностей, больше представительства и шансов быть услышанными. Прежде всего, это связано с тем, что правитель начинает идти на уступки, так как, будучи разумным субъектом, осознает, что уступки в долгосрочной перспективе пойдут ему на пользу. И каждая такая уступка сокращает разрыв между правителем и подчиненными, пусть он даже этого не осознает.

Уступки режима всегда больше всего выгодны

среднему классу, роль которого как раз в том и состоит, чтобы сокращать пропасть в обществе. Средний класс представляет собой могущественную силу. Любой авторитарный режим переживает самый трудный момент (и в этом ирония), когда для него приходит время начать реформы. **Стоит начать делать уступки (меньше налогов, больше зарплаты, больше свободы и так далее), как люди открывают для себя другую реальность, отличную от преобладавшей до того.** Получив палец, они жаждут откусить руку и требуют дополнительных уступок по всем позициям. А ведь это не временные уступки, а необратимые! Такие, например, как демократический уклад или конституция.

Режимам приходится открываться больше, уступая частички власти кому-то еще. При этом режимы не могут не пойти на уступки, так как это заставит массы восстать и потопить их в крови. В наше время, когда информация полностью открыта, диктатуре будет сложно выжить. Я считаю, что демократические перемены станут стремительными благодаря новому мировому порядку в коммуникациях, о наступлении которого возвестили «Фейсбук», «Твиттер» и прочие социальные медиа. ■

ДЕЙСТВИЯ ВАЖНЕЕ ПРОГРАММ

Алексей Пушков

Алексей Пушков — телеведущий, журналист, политолог, профессор МГИМО, член президиума российского Совета по внешней и оборонной политике, член Президентского совета по развитию гражданского общества. Автор и ведущий аналитической программы «Постскриптум» на канале ТВ Центр

■ *На ваш взгляд, лояльность политическому порядку сейчас не в моде?*

Говоря о лояльности, следует разделить лояльное отношение общества к власти, означающее поддержку власти обществом, и лояльность внутри самой системы власти, то есть внутри кругов, руководящих страной. Лояльность внутри системы власти обеспечивается самой властью. Иначе она не сможет функционировать. Нелояльных участников из системы изгоняют. Лояльность к власти со стороны общества зависит, прежде всего, от общества. Это — переменная величина, она не может считаться константой политического развития.

Основой политического порядка должна быть не лояльность как таковая, а действие установленных институтов власти и закона. Когда соблюдается закон, тогда лояльность занимает то место, которое должна, она регулирует отношения между людьми, работающими в рамках одной системы власти. Но если закону отведены вторые роли, если закон провозглашается официально, но не выполняется реально, тогда вместо закона на первый план выходит лояльность. Она фактически становится законом. Обществу за это приходится расплачиваться коррупцией и загниванием политических институтов.

Поясню еще раз: лояльность регулирует отношения людей, находящихся, работающих и действующих в одной системе власти (корпорации). Без лояльности не может действовать ни одна команда, ни одно правительство, ни вообще исполнительная власть в целом. Однако, **если лояльность начинает подменять собой закон, если для узкого круга людей создаются особые условия, когда к ним неприменимы нормы закона, тогда мы получаем разложение** — и власти, и общества. В этом случае, вместо лояльности как фактора, необходимого для успешного функционирования государственного аппарата, мы получаем гипертрофию личных отношений в системе власти, ситуацию, когда именно эти отношения начинают определять все параметры системы.

Это прекрасно видно на примере режимов, которые сейчас рушатся в арабских странах. Там закону были отведены десятые

роли, и все строилось на лояльности членов правящего клана (семьи). В итоге, наступает момент, когда общество перестает воспринимать такие отношения как нормальные и устраивающие само общество. Оно начинает бунтовать против них, потому что это, как правило, отношения коррупционного типа. И общество свергает тех правителей, которые строят свои режимы исключительно на лояльности в системе власти, а об обществе забывают. Эти события показывают и то, что общество, проявляющее лояльность к власти на определенном этапе развития страны, отказывается от этой власти, когда обнаруживает, что она отрывается от него и ждет от него лояльности даже тогда, когда общество уже обеспечить ее неспособно.

■ *Какое место вы бы отвели России в таком, скажем, историческом пути от лояльности к закону?*

В России, начиная с 1917 года, закон перестал иметь какое-либо существенное значение. Он стал функцией политической воли. Закон постоянно находился на задворках в той системе норм, которые регулировали политические отношения и отношения между властью и обществом. И хотя мы в последнее время слышим о том, что нужно переходить к диктатуре закона, в реальной жизни мы этого не видим. Из закона делается огромное количество исключений. Принимаются законы, которые, по сути дела, нарушают принципы Конституции. Один лишь пример: сотрудникам правоохранительных органов, следователям, судьям, даже преподава-

телям Академии ФСИН или МВД фактически разрешено в пьяном виде находиться за рулем на дорогах. Эти люди не подлежат аресту органами ГИБДД. Это **грубейшее нарушение принципа всеобщего равенства перед законом, выстраивание отношений даже не по принципу лояльности, а по принципу хорошо защищенного клана.** На мой взгляд, Россия продолжает традицию, которая установилась при большевизме. Тогда это называлось революционной целесообразностью, а на самом деле защищало интересы большевистского клана. С тех пор ситуация изменилась в лучшую сторону, но не полностью. Слишком часто и в современной России закон имеет в основном пропагандистское значение.

■ *Что вы скажете о достаточно сложном положении правящего класса, в связи с утратой лояльности народа по отношению к существующей элите?*

На мой взгляд, во-первых, нельзя говорить о полной утрате лояльности населения к власти. Это не так. Во-вторых, ситуация зависит прежде всего от самой власти. Она не должна гипертрофировать властные отношения за счет общества. Не должно быть несменяемых, неприкасаемых министров, лояльность внутри системы власти не должна становиться важнее для нее, чем отношения с обществом.

■ *На каком основании может сформироваться большинство, на которое сможет опереться власть при проведении политических инноваций?*

Для консенсуса в обществе власть должна доказать, что она настроена серьезно, что она готова мобилизовать ресурсы и направить реальные усилия на достижение официально заявленных задач, например, на обуздание коррупции. Если этого не

делается, то общество начинает отстраняться от власти, перестает доверять ей и уходит протестовать в Интернет. **В той степени, в которой власти осуществляет проекты, имеющие общественную ценность, общество и продолжает доверять власти.** Но результаты должны быть не виртуальными, а реальными. У нас слишком часто выделяется бюджетное финансирование для тех проектов, которое используются в своих интересах членами властной элиты и верхушкой бизнеса, а общество не видит связи между этими проектами и своими интересами. Власть должна показать, что те проекты, которые она начинает, будут сделаны не в интересах какой-то группы людей или клана, а в интересах всего общества. Это первое.

Второе: власть должна осознавать, что безудержный рост числа миллионеров и миллиардеров в России — не предмет гордости и не свидетельство здоровья экономики, а как раз напротив — свидетельство несбалансированности всей социальной и экономической системы, а значит и системы власти. Может ли страна, находящаяся, по классификации ООН, на 70—72 месте по уровню жизни, занимать третье место в мире — после США и КНР — по числу миллиардеров? И это в ситуации, когда ВВП России в 10 раз меньше ВВП США и в три с лишним раза меньше ВВП Китая. Нельзя выстроить здоровое общество при таких дисбалансах. Соответственно, должна быть перестроена система распределения общественного богатства, в том числе, с помощью изменения системы налогообложения.

Третье. Чтобы создать устойчивое большинство, власть должна сделать борьбу с коррупцией одним из главных приоритетов своей политики. Если бюрократия ощутит, что такая борьба проводится всерьез, она будет

вести себя иначе. **Для того чтобы сформировать устойчивое большинство на стороне власти, не надо ломиться в открытую дверь — эта дверь открыта.** Создайте правовое общество, где граждане чувствуют себя защищенными, а не объектами произвола, где граждане видят, что те представители власти и сотрудники правоохранительных органов, которые нарушили закон, будут отданы под суд, а не просто уволены, и вы получите такое большинство.

■ *Как вам кажется, могут ли подобные пункты войти в предвыборную президентскую программу, учитывая, что до выборов осталась год?*

Предвыборные программы, как мне представляется, в настоящее время перестают иметь какое-либо значение и уже не являются фактором поддержки со стороны населения. Главным фактором поддержки являются реальные действия. Мы до сих пор не знаем, что произошло с тем следователем, который отпустил пять возможных соучастников убийства Егора Свиридова, хотя власть обещала отчитаться перед обществом, рассказать, какие меры были приняты. Это была преступная халатность, или, как намекал президент Медведев, это была коррупция? Прошло три месяца, и что мы слышим? Ничего. Программы не имеют никакого смысла, если за ними общество не видит желаний реальных преобразований, не видит конкретных действий. Сплотить общество можно только на основе действий, а не на основе программы. Что надо делать, на мой взгляд, всем очевидно, начиная с президента и заканчивая шахтером Воркуты. Общество ждет действий, а не программ. ■

*Специально для Ярославского
Форума*

